

НАША СТРАНА

Год издания—54-й. Буэнос Айрес, суббота 9 марта 2002

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 9 de marzo de 2002 N° 2689-2690

С. В. ВОЛКОВ (Москва)

К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ "ДЕРЖАВНОСТИ"

2

Никакого примирения белых и красных не может быть уже потому, что полностью отсутствует почва для компромиссов. Ибо, учитывая взаимоисключаемость России и Совдепии, всякий политический режим может быть в реальности наследником и продолжателем лишь кого-то одного из них. Подобно тому, как невозможно иметь двух отцов, происхождение одной государственности исключает происхождение от другой.

Если исходить из продолжения исторической российской государственности, то ее разрушители — создатели государственности советской — являются преступниками, и все их установления, законы и учреждения полностью незаконны и подлежат безусловному устранению. Если же стать на точку зрения, хотя бы в какой-то мере принимающую или оправдывающую большевицкий переворот и признающую легитимность советского режима, то какая может быть речь о правопреемственности дореволюционной России, которую этот переворот уничтожил и, уничтожив которую, этот режим только и мог существовать?

Поэтому, если для одних 7 ноября — главный государственный праздник, то для других — "День Непримируемости". И сделать из этой даты нечто среднее невозможно.

Размежевание красных и белых проходит, таким образом, по линии отношения к советскому режиму и всему комплексу советского наследия. Отношение ко всем проявлениям коммунизма и советчины есть самый главный признак, позволяющий отличить одних от других. Все остальное, все более конкретные политические симпатии так или иначе выстраиваются в зависимости от этого. Тот, кто хоть в какой-то степени готов примириться с советским режимом и принять его наследие и традиции, не может иметь отношения к Белому Движению. Для тех, кто стоит на позициях Белого Движения, т. е. для всякого настоящего русского патриота, советчина и коммунизм не только неприем-

лемы, но являются главным злом, ибо именно они представляют собой основное препятствие на пути возрождения исторической России.

Для того, чтобы быть "белым", надо ведь, как минимум, разделять соответствующую идеологию. Гражданская война была войной не за разные типы российской государственности, а за выбор между российской государственностью и Интернационалом. Белые сражались за Россию, красные — за мировую революцию. Спор шел не только о политической системе, а о самом существовании подлинной России. Основой красной идеологии всегда были ненависть и презрение к исторической России, лишь в самых крайних случаях (как во время войны) смягчаемые в интересах практической необходимости. При чем своей ненависти к России ленинская банда во время Гражданской войны никогда и не скрывала, так что попытки "примирить" белых и красных, найти что-то "среднее" между ними столь же кощунственны, сколь и смехотворны. Невозможно называть себя патриотом и одновременно почитать большевицких вождей. На то есть "советский патриотизм" — нечто совсем другое, неразрывно связанное с коммунистической идеей, "правота" которой есть, кстати, единственное оправдание всего того, что красные сделали с Россией. Объективно политическим выражением национал-большевизма, может быть только советский режим образца 1943-53 гг., разве что с гораздо более пышными, чем тогда, патриотическими и национальными декорациями. Для многих именно такой вариант и привлекателен, но сказать об этом по ряду причин многие стесняются.

Совсем уж комично выглядят поползновения приписать к зюгановскому блоку каких-то монархистов. Если одни коммунисты назначают других монархистами, а затем заявляют о союзе с ними, то это повод не для политических сенсаций, а лишь для выводов о приемах современного коммунистического движения. Так они пытаются пристроиться к монархической идее и с ее помощью сделаться судьей

между белыми и красными — как будто сами они — не одна из сторон, а нечто потустороннее, высшее по отношению к ним. "Коммунистический монархизм", впрочем, существует, но это не более, чем тот же сталинизм. Идея такой — своей, "красной монархии" действительно близка многим из них, но монархизм и монархисты в привычном значении этих понятий тут совершенно не причем. Подобно тому, как комиссары, нацепив в 1943 г. золотые погоны, остались собою, так и Сталин в императорской короне остался бы Сталиным. Знаменитая триада "Православие, Самодержавие, Народность" наполняется, таким образом, советским содержанием. С православием "красные монархисты" вполне согласны мириться, даже оставаясь большевиками, коль скоро оно призвано придавать их будущему режиму респектабельность (опять же в точном соответствии со сталинской практикой). Недаром излюбленное самоназвание национал-большевиков — "православные коммунисты". Самодержавие они понимают и толкуют как тоталитарную диктатуру, а народность — как социализм со всеми прелестями пресловутого "коллективизма", воплощенного в колхозном строе. Земский Собор в национал-большевицкой интерпретации представляется в том духе, что съезжаются какие-нибудь председатели колхозов, советов, "красные директора", "сознательные пролетарии" и избирают царем Зюганова.

Вообще следует весьма скептически относиться к людям, заявляющим: "Я не коммунист (иногда даже — антикоммунист), но за коммунистов". Чтобы стать на такую позицию, надо быть во всяком случае твердо укорененным в советском наследии. "Патриотическое движение", во главе которого выступают национал-коммунисты из "Завтра" и т. п. изданий не имеет самостоятельного ни политического, ни идеологического значения. Эта убогая публика по своей культурной нищете и интеллектуальной недостаточности сколь-нибудь существенным влиянием сама по себе не пользуется, и конечно, ни о какой са-

мостоятельной роли и претензиях на власть по здравому размышлению мечтать бы не могла. Единственное, на что она годится — так это способствовать реставрации коммунистического режима сталинского образца, обеспечивая для зюгановской или ей подобной партии патриотические, православные, а то и монархические декорации. Победить оно, естественно, никогда не сможет (разве только с победой коммунистов, но тогда национал-большевизм проповедуемого ими толка будет заменен более ортодоксальным вариантом коммунизма).

До сих пор все организации, провозглашавшие лозунг "ни белых, ни красных" или "и белые, и красные", при ближайшем рассмотрении непременно обнаруживали свое красное нутро. Наиболее надежным критерием для уяснения сути той или иной "патриотической" организации является ее отношение к зюгановской компартии. О позиции вообще лучше судить не по тому, что хвалят, а по тому, что никогда не ругают: "Русский Вестник" может переругиваться с "Нашим Современником", "Литературная Россия" с "Завтра", но никто из них не может ругать современную компартию — Зюганова с компанией. Это обстоятельство убедительно показывает, кто подлинный хозяин "патриотической оппозиции".

Национал-большевизм основывается на полном или частичном признании "правомерности" большевицкого переворота и приемлемости советского режима. Именно советчина составляет его душу. Он неотделим от почитания реалий того конкретного строя, той конкретной власти, тех черт, проявлений, личностей, институтов и всего остального, что имело место после 1917 г. Выбор в этой системе координат может делаться только внутри самого советского режима — между его различными уклонами: Сталиным и Троцким, Хрущевым и Сталиным, Андроповым и Сусловым и т. д. Родоначальником национал-большевизма является, конечно, Сталин — такой, каким он становился с конца 30-х годов и окончательно заявил себя в 1943-1953 гг. Режим

этого периода — с “патриотическим” уклоном, но тот же самый советский режим — был первым реально-историческим образчиком национал-большевизма. В дальнейшем это начало присутствовало как одна из тенденций в среде советского руководства. После Сталина патриотическая составляющая была выражена слабее, у нынешних национал-большевиков она представлена сильнее, но все равно речь идет лишь о степени, о градусе “патриотизма” одного и того же в принципе режима.

Понятно, что в любом случае это режим левый, революционный, социалистический, не имеющий ничего общего с исторической российской государственностью, но мародерски претендующий на ее наследие. И Сталин никогда не переставал быть ни левым, ни коммунистом. Причем дело даже не в том, что он оставался социалистом, а в том, что он оставался именно большевиком. То есть человеком, который неотделим и от самой большевицкой революции, и от прочих ее деятелей, и от откровенно антирусского режима 1920-х годов, как бы он потом не менял пропагандистские лозунги. Ни о каком отречении от революции и речи быть не могло, его отношение к другим большевикам диктовалось не идеологическими, а чисто личными мотивами борьбы за власть. Он ничего не имел против тех кто не мог представлять для него (например, за преждевременной смертью) опасности: например, из двух равнозначных и однозначных фигур Троцкий считался сатаной, а Свердлов — архангелом.

Сегодня национал-большевизм в разных формах занимает подавляющую часть красного спектра. Коммунистические группировки, демонстративно исповедующие “пролетарский интернационализм”, хотя имеют массовую базу (как “Трудовая Россия”), в идейно-политическом смысле находятся на обочине. Основная часть коммунистов объявила себя русскими патриотами и заявила о готовности подкорректировать Ленина и строить свой “русский коммунизм”. Зюгановская партия с газетами “Правда” и “Советская Россия” представляет собой наиболее красную (и количественно подавляющую) часть национал-большевизма. Эти перед эмиграцией и белыми не расшаркиваются и настаивают на том, что компартия — единственный носитель патриотизма, каковым и была с самого начала, и в Гражданскую войну. Естественно, не отказываются ни от Октября, ни тем более, от советского режима.

Наиболее классический национал-большевизм представлен такими органами печати как “Завтра” (в последнее время эта газета почти неотличима от чисто коммунистических), “Молодая Гвардия”, “Литературная Россия” и “Наш Современник”. Не отказываясь в целом от революции, здесь предпочитают вслух об этом не говорить и ругают ее отдельных деятелей. Более же всего для них характерно сваливать в одну кучу красных и белых, поскольку-де патриотами были и те, и другие. Советский режим, особенно период 40-50-х годов, тут почитается открыто (в отличие от революции) и является идеалом “государственности”. Они охотно заигрывают с белой эмиграцией, помещают апологетические статьи об Императорской и Белой Армиях, старой России и т. д., но — рядом со статьями в поддержку коммунистов и воспеванием советчины. Проповедуя единство красных и белых, они, впрочем, как правило, не претендуют сами называться белыми.

Третья часть национал-большевицкого спектра — наиболее стыдливая. Здесь почти полностью (во всяком случае, вслух) отвергается революция, но (хотя с большими оговорками) сохраняется верность советчине. В этой-то среде и распространено “белое” самозванство. Впрочем, выделенные здесь группы национал-большевицкого спектра не образуют какие-то изолированные группировки. В общем-то все это одна и та же среда, тесно связанная переплетением дружеских, служебных и прочих связей и находящаяся под определяющим влиянием “патриотических коммунистов”. Конкретного человека далеко не всегда можно определенно отнести к одной из этих групп, ибо границы между ними очень зыбки и подвижны, а настроения в зависимости от обстановки могут несколько меняться.

Наконец, к красному спектру примыкает еще несколько категорий людей, национал-большевиками, строго говоря, не являющихся. Это, во-первых, те, кто считает возможным и нужным сотрудничать с коммунистами, не видя в этом ничего позорного. Во-вторых, те, кто на открытое сотрудничество с красными не идет, но позволяет им собой манипулировать, объективно тоже работая на их интересы. В-третьих, это те, кому белые действительно нравятся больше, чем красные (иные из них даже искренне считают себя белыми), но, как говорится, “при прочих равных условиях”, т. е. до тех пор, пока не приходится открыто определяться и пока “белые” симпатии ничем им не

грозят. “Лучше бы монархия, но, на худой конец, и национальный коммунизм (или социализм) сойдет”, — такова примерно их философия. Понятно, что какие бы претензии ни исходили от людей подобного рода, их также нельзя принимать всерьез. Можно перестать быть белым и стать красным (и наоборот), но нельзя быть чем-то средним или одновременно и тем, и другим, как нельзя остаться белым, сотрудничая с красными. И если эта простая истина не очевидна для самих “красных патриотов”, то объективный политический расклад от этого не меняется.

Очевидно, что подобные “патриоты” не имеют ничего общего с носителями ценностей и традиций исторической России. Пресловутая “объединенная оппозиция” в действительности представляет собой не объединение правых с левыми, а левых с левыми, изображающими из себя правых, не союз белых и красных (что по существу невозможно), а союз красных с такими же красными, но национально окрашенными. В связи с этим в 1994 г. появилось заявление русской белой эмиграции, подписанное последними оставшимися в живых участниками Гражданской войны, их потомками и руководителями всех основных белоэмигрантских организаций с изложением позиции Белого Движения, нанесшее сильнейший удар по идеологии национал-большевизма и его претензиям говорить от имени наследников исторической российской государственности.

Да и каков мог быть в принципе политический смысл союза коммунистов с антикоммунистами? Основной вопрос всякого единения заключается в том, под каким знаменем оно осуществится или — практически, кто же станет во главе “объединенной” таким образом России? Вольно провокаторам и недоумкам вешать на своих сборищах скрещенные красный и трехцветный флаги, но у государства-то флаг один. Так, все-таки — какой? Вот на этот-то вопрос претенденты на роль объединителя обычно предпочитают не отвечать, делая вид, что его как бы и вовсе не существует. Главное, чтобы не было “раскола” между русскими людьми (при этом, хотя за “партию власти”, демократов разных мастей и ЛДПР голосует вдвое-втрое больше русских людей, чем за коммунистов, расколом считается только нежелание объединяться с коммунистами), а там посмотрим (на Земском Соборе решим). Эксплуатируя тему единства русских людей (“Главное — быть русским!”), национал-большевицкие иде-

ологи хорошо знают, кто управляет в “патриотическом движении” и какие решения может принять Земский Собор, созванный прохановыми, зюгановыми и бабуриными. Когда оппозиция становится властью, камуфляж отбрасывается, и ответ на вопрос “что же все-таки будет”, дан будет совершенно однозначный. Так вот сразу и сказать — будет вам обновленная советчина в виде “истинно-русского коммунизма”, национал-большевики стесняются. Но это не значит, что они постесняются ее установить.

Что касается претензий коммунистов на восстановление целостности “державы”, то они столь же лицемерны, сколь и неосновательны. Не следует забывать, что их держава — не Россия, а СССР, — по самой своей идее никакой целостностью и не обладала, представляя конгломерат “государств” с правом свободного выхода. Целостностью обладала Российская Империя, которая без большевицкого переворота никогда бы не распалась. Именно коммунисты расчленив территорию уничтоженной ими исторической России на искусственные республики по национальному принципу, проведя произвольные границы по живому телу страны и обусловив государственное единство лишь господством коммунистической идеологии заложили возможность ее распада. Советская система была намеренно устроена таким образом, что от коммунистической идеологии невозможно было освободиться, не разрушив при этом территориальную целостность страны и превратив даже великороссов в разделенную нацию. Так что в 1991 г. коммунисты пожалели лишь то, что сами же посеяли при утверждении своей власти. Что касается воссоздания “державы”, то, поскольку речь может идти только о СССР, они никогда не смогут этого сделать. Ибо если тяга населения к восстановлению государственного единства естественна, то СССР был образованием вполне противоестественным, и в этой форме единство никогда не будет восстановлено. Если развитие по некоммунистическому пути оставляет надежды на реинтеграцию страны в будущем в той или иной форме, то победа коммунистов, более всех о ней разглагольствующих, привела бы на деле к изоляции коммунистического заповедника, и с точки зрения интересов “державности” явилась бы подлинной катастрофой как в сущностном, так и в территориальном смысле.

С. В. ВОЛКОВ

Языковые уродства

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА

Война в Афганистане имела неожиданным последствием изменения во французском правописании.

Прежде буква **Q** употреблялась только перед гласной **U**. Теперь же стали писать (в первую очередь в газетах и журналах) **Al-Qaida, Qelat** и тому подобное.

Правда, буква передает особый арабский звук. Но не знаем, была ли в ней нужда?

Ведь вот во французском языке существовало, — и аж с 1308 года! — слово **caid** “каид”. О котором этимологический словарь дает указание: “*de l'ar. qa'id, chef de tribu*”.

Между прочим, напрасно “Русская Мысль” пишет **Аль-Кайда**. Правильно произносить именно **Аль Каида**, равно как и в слове **каид**, тоже существующем (издавна) в нашем языке.

ЦЕПКАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ

Неприятно видеть, раз за разом, в органах русской прессы в том числе и зарубежной, безобразно изуродованным название местечка под Парижем, где расположено русское кладбище: **Сен Женеьев**, вместо **Сент Женеьев**.

Святая Женеьева, имя коей сохраняет это название была женщиной, а не мужчиной. А **Сен** по французски означает именно “святой”, в мужском роде. В женском будет **Сент**.

Та и другая форма богато представлена во французской топонимике. Надо, впрочем, отметить, что перед гласными **Saint** тоже произносится как **Сент**: **Сент Андре**, **Сент Аман**, но **Сен Жан**, **Сен Жиль**.

Вещи это совершенно элементарные. И удивительно, что их не понимают, хотя бы даже и не знающие французского языка!

ЛЕКСИКОН САТАНЫ

Выпишем отрывок из статьи В. Осипова “Дубравлаг” в “Москве” № 10 за 2001 год:

“Еще один признак политэковской аристократии — табу на сквернословие. Новичок, появившийся в зоне быстро соображал: хочешь принадлежать к верхушке зоны, матерщину забудь. Лагерные эстонцы и латыши, если ругались, то только на русском, на своем языке — никогда. Мат стал еще одной формой русофобии. Утверждаю совершенно серьезно: одна из ступеней к нравственному возрождению нации — отказ от мата. От лексикона сатаны”.

Какая разница с образованными журналистами и писателями в Эрефии и за рубежом с наслаждением смакующими и восхваляющими то, что они изысканно именуют “ненормативной лексикой”!

ИСКАЖЕННАЯ МОЛИТВА

В “Гулаговских хрониках” Жака Росси, в “Русской Мысли” от 7 февраля с. г., мы встречаем буддийскую молитвенную формулу, широко известную, в странной, непривычной форме; вместо “Ом мани падме хум”, она

здесь читается: “О Ма ни пад ме хум”. Не зная монгольского языка, скажем все же, что **падма** в санскрите означает “лотос”, а **мани** “жемчужина”, “сокровище”.

И разделять эти слова надвое вряд ли чем-либо оправдано.

ПСЕВДОКЛИШЕ И ЛЖЕТРАФАРЕТЫ

В приложении к “Литературной Газете”, называемом “Читальный Зал” (№ 1 от с. г.) содержится ряд пародий на языковые штампы и стандартные обороты, пародий иногда весьма остроумных. Приведем некоторые из них:

Из отдела “Озаренки”: “Дым отечества заставляет прослезиться”; “Кашу маслом не испортишь на нашу зарплату”; “Широкие биомассы трудящихся”.

Из отдела “Недоаски”: “Какая глупина ума!”, “Избиток красноречия”, “Головокрушение”.

Из отдела “Рога и копыта”: “Украинские националисты на кухнях с ненавистью жгли российский газ”; “Прежде чем ратифицировать новый закон в Государственной Думе, сначала надо его русифицировать, — ничего ведь не понятно!”

Из отдела “Крупные мелочи”: “Если объявить о создании партии умных людей в нее попрут самые дураки”.

Из отдела “Отбросы творчества”: “Это не моя проза, это проза жизни”; “Россия гибнет ото сна”.

Из отдела “Классные выражения”: “Она решила начать новую жизнь и пошла на панель”; “В “Молодой Гвардии” показана борьба советских людей против остальных оккупантов”.

Из отдела “Наблюдения эмигрантов”: “Нельзя объять необъятное, но если партия прикажет...”; “Ужасных фильмов куда больше чем фильмов ужасов”.

Из отдела “Обезмолвочки”: “После брака кулаками не машут”; “Новые нерусские”; “Хлевный магазин”; “Свободная жизнь”.

Увы, — таковы радости и сладости постсоветского бытия!

ИНДЖИЯ

В романе А. Марининой “Незапертая дверь” (Москва, 2002) с сожалением отмечаем употребление грузинской фамилии **Инджия** как несклоняемой. “Убийство Теймураза Инджия”, “дело Тимура Инджия” и т. п. То есть автор воскрешает нелепое употребление имени **Берия**, от которого, по счастью, постсоветская печать более или менее полностью отказалась (теперь всюду пишут **Берии**, **Берией**), применяя его к другому, тоже грузинскому.

С другой стороны, в той же книге встречаем ряд слов для нас просто невразумительных: **евроремонт (квартиры)**, **ароматные чели** (речь о туалетных принадлежностях; но какие — неясно).

Напротив, термин **метропоезд**, пожалуй, и имеет право на существование; мы-то, пока, говорим **поезд метро**; а это — оборот довольно-таки неуклюжий.

Роман, в целом, к сожалению, — гораздо ниже обычного уровня Марининой. Может быть, написан в период усталости и отлива вдохновения? Что, как ни грустно, даже у талантливых писателей порою бывает...

Аркадий Рахманов

Е. ФОКИН

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

АЛЬТЕРНАТИВА

Замечательно тонко обдуманная статья А. Никонова в “НС” от 12 января! Автор совершенно точно изложил положение с праздниками гражданскими и церковными в странах христианских вообще и в бывшем СССР в частности. Если в Европе или США церковные отмечаются “хотя бы для приличия”, в Российской Федерации, верно: “христианам по сей день приходится работать в день величайшей скорби и в дни светлой радости. Тогда как в праздники, учрежденные отвратительной богоборческой диктатурой, можно отдохнуть и веселиться”.

Упомянул автор и вопрос с “Новым Годом” — “празднуемым к концу рождественского поста”. Вот об этом, повольте, подробнее.

Как известно, борьба с празднованием Рождества Христова началась с самого же начала советской власти. И когда эта борьба не принесла ожидаемой быстрой и полной победы, было придумано нечто иное.

Весь “центр тяжести” был безбожниками снят с Рождества и перенесен на “Новый Год”. “Елка” перестала быть рождественской, а стала новогодней. (Прежде, пока елки были “рождественские” их было запрещено срубать под знаком защиты среды обитания, мол “некультурно калечить природу”. Когда же они стали “новогодними” — запрет отпал). Поздравления посыпались не “с Рождеством”, а “с Новым Годом”. И даже по сей день в бывшем СССР часто видишь поздравительные открытки с Рождеством на втором месте, **после** Нового Года.

Мы же, в эмиграции поздравляли все эти 80 лет только с Рождеством на **первом** месте! (Как было до революции.)

Это все внешнее, но выявляет и внутреннее. А. Никонов прав упомянув, что в РФ Новый Год празднуется (да еще как!) к концу рождественского поста. Добавим: когда этот пост делается все строже и строже и ожидание события пришествия на землю Спасителя становится все интенсивнее.

А тут вакханалия с Новым Годом!

И приходится тогда поставить смелый вопрос: а не перенести ли в РФ празднование Рождества на дату до новогоднего разгула?..

Сознаем, что это и фантастично и трудно выполнимо

по строгим уставным соображениям Церкви и ввиду опасности нового раскола!

Но что же делать? Ведь остается такая альтернатива: или приучить все население бывшего СССР свести атмосферу новогоднего разгула (раз это **до** Рождества Христова) к нулю или чтобы этот великий день праздновался бы в России **до** новогодней вакханалии.

Сознавая всю трудность этого варианта, все же напомним:

Точной даты Рождения Спасителя не имеется.

Для евреев и для первых христиан вообще идея праздновать чьи-либо “дни рождения” была совершенно чужда.

Помимо Пасхи, древняя Церковь праздновала только Крещение (Богоявление) в начале января, как и сейчас. “Рождество” не отмечалось никак.

Впоследствии, по **причинам внешним**, к этому именно дню было присоединено также и воспоминание рождения Христа (в один день, на Крещение).

Впоследствии, опять-таки **по причинам внешним**, оба воспоминаемых события были отделены друг от друга.

Вот тут нам и интересно, что дата 25 декабря, день праздника Рождества Христова, как это празднуется нами и по сей день, была выбрана не случайно.

Даже после победы христианства над язычеством, даже в 4-м веке оно было еще сильно и, в частности, население продолжало отмечать, в конце декабря, день бога Сатурна (“пожирающего своих собственных детей”). А до него — день бога Солнца, когда дни становились длиннее.

Чтобы отвлечь христианское население от языческого разгула, в 4-м веке постепенно стало праздноваться Рождество Христова именно 25 декабря — день рождения Спасителя, — этого Света Незаходимого, “Солнца Правды”, как поется в тропаре праздника.

День Нового Года — праздник гражданский. Но в аспекте борьбы безбожников с христианским праздником, он принял оттенок языческих вакханалий... И вот может быть рано или поздно, но Церкви придется подумать как можно придать **Рождеству Христову** в нашей стране снова первенствующее значение!

Е. ФОКИН

ПЕЧАТЬ

ДИСКУССИЯ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

В обсуждении книги Солженицына “Двести лет вместе”, устроенном в июле 2001 года в фонде “Русское Зарубежье”, итоги коего даны в “Москве” № 9 за 2001 год, одни из участвовавших выступили во враждебном тоне, другие — их было больше, — старались не высказаться определенно (тема-то слишком жгучая!), а некоторые и с горячей похвалой.

Выделим, — и процитируем *in extenso* — кажущееся нам особо интересным выступление Л. Сараскиной, — проводящей параллель между Солженицыным и Достоевским:

“За несколько недель, прошедших со дня выхода книги, мне пришлось услышать 2 коротких, но диаметрально противоположных радиоанонса: “новая книга Солженицына рассказывает о дружбе двух великих народов России — русских и евреев”; “новая книга Солженицына посвящена вражде двух великих народов, чье соседство сложилось исторически”. Каждый слышит, что хочет услышать. Каждый стремится, чтобы его уже сложившаяся точка зрения обрела новое подтверждение”.

То же было и с другим гениальным автором: “Иные его читатели — современные ему и последующие — ни за что не хотели признать, что Достоевского действительно интересовали две стороны проблемы, равно как ни за что не хотели верить словам Достоевского, что в сердце своем ненависти к евреям как к народу у него “не было никогда”... Слишком соблазнительно лепить клеймо антисемита великому русскому писателю”.

“Ось русско-еврейского вопроса, как показывает Солженицын, находится в плоскости отношений всех народов России к российской государственности. Поразительным образом эта тема выходит на первый план и сегодня”.

Не лишены интереса наблюдения В. Зубка, профессора университета в Филадельфии, относительно “места еврейского вопроса во взаимоотношениях России, а затем Советского Союза с Западом, особенно с Соединенными Штатами”.

Он констатирует, что “с точки зрения США еврейский вопрос с начала XX века был важнейшей частью отношений с царской Россией, а потом уже важнейшей частью советско-американских отношений”.

ПОГРОМЩИКИ ЭФИРА

Выпишем отрывок из статьи А. Панарина “Православная цивилизация в глобальном мире” в журнале “Москва” № 10 за 2001 год:

“Наиболее репрессивный характер проявляет ведущая ветвь четвертой власти — центральное телевидение. Ежечасно врываясь в наши дома, погромщики эфира оскверняют повседневную среду потоками грязи, клеветы, садистским смакованием насилия и извращений, преследованием всего святого, мирного, животворящего. Из эфира вытеснены национальная музыка, песня, само национальное слово подмененное глумливым, режущим слух жаргоном, а господствующим языком на деле становится английский. Это язык референтной группы — господ однополярного мира, в число которой представители нашей элиты хотели бы попасть... Напротив, национальный язык стал знаком изгойства, знаком тех, кто находится на подозрении в традиционализме, патриотизме, национализме и прочих “смертных грехах”.

СООБЩИКИ НАШИХ ВРАГОВ

В том же номере, в не имеющем подписи обзоре текущих событий “Динамика развития политической обстановки в России”, высказывается мнение, что “мировые и западные экономические институты “нашли в Советском Союзе объективных и субъективных своих союзников. СССР распался, теперь задача — не допустить никакой реинтеграции на постсоветском пространстве, тем более между Россией, Украиной и Белоруссией”.

Отметим, что к числу таких “союзников — явно принадлежит парижская “Русская Мысль”, с негодованием отвергающая всякую мысль об объединении Белоруссии с Россией.

МОЛЧАЛИВЫЙ ПОДВИГ

В отделе “Библиографические листки”, в “Новом Мире” № 9 за 2001 год, приводятся нижеследующие выдержки из статьи А. Храмчихина в журнале “Знамя”:

“Русский правый должен ощущать себя гражданином России, а не СССР и не США (или мира). Русский правый должен помнить, что тезис “в советское время было много хорошего” — наглая ложь. Коммунистический режим был преступен целиком и полностью, и страна в целом прожила 73 года зря. При этом десятки миллионов жителей СССР не стали соучастниками преступлений большевиков и остались людьми в условиях одного из

самых бесчеловечных режимов в истории. Эти люди не просто прожили не зря — они совершили подвиг, которого никто не заметил (особенно они сами)”.

Вот это все, полагаем, совершено верно. На то время, которое прожил там, оглядываешься не без ужаса. Хорошо еще, что удалось относительно рано оттуда вырваться! А каково же было тем, кто там на всю жизнь остался...

А КТО РЕШАЛ?

В “Новом Мире” № 9 за 2001 год помещена статья С. Аверинцева под длиннейшим названием: “Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации”.

Автор пишет следующее по поводу падения большевизма в СССР:

“В итоге произошел компромисс между советской элитой и оппозиционной частью общества... мы освобождаемся от тоталитарной идеологии, но в виде уплаты за такое мирное и бескровное освобождение, прежнее начальство, в общем, остается на своем месте. Мы приняли этот компромисс; я до сих пор не вижу ему никакой альтернативы, кроме серии кровавых катастроф”.

Кто же все-таки такие эти “мы”? Народ был разобщен и обманут; власть была в руках коммунистов. А если какая-то группа левой интеллигенции с ними сговорила, и получила в награду важные ей вещи как свободу слова и печати, народные массы то не получили ничего!

Получили голод, нужду и, фактически, прежнее рабство под гнетом грабящей его “номенклатуры”. А именно ее-то свергнуть ему бы и нужно, и хотелось бы!

Запугивать его, тогда и *post factum*, “кровавыми катастрофами” — весьма нечестная игра!

Если бы катастрофа привела к реальному освобождению от советской системы — стоило заплатить эту цену!

Теперь же мы с грустью наблюдаем как страна катится обратно в большевизм...

Тем, кто продал народные интересы, следовало бы стыдиться, а не хвастаться как г-н Аверинцев.

О ДВУХ МЕРЗАВЦАХ

Когда Россия вновь станет настоящей Россией, — а она ей станет сколько бы ни надрывались иуды, отечественные и заграничные! — в ней безо всякого сомнения будут воздвигнуты памятники Власову, Краснову и их сподвижникам, которые поистине “отдали все, что могли, за жизнь ее, честь и свободу”.

А о всяких прохановых и зюгановых если и будут когда вспоминать, то с брезгливым недоумением. Уже всем ясно, что народ идти назад, в сталинщину, не хочет и не пойдет. Вся интеллигенция о прошлом говорит, когда говорит, только с ужасом

и отвращением. А вовсе очумелые пенсионеры, составляющие чахлае войско двух рыцарей национал-большевизма — их ряды быстро редуют и тают: никакие поощрения сверху его не спасут.

Грязная, подлая клеветническая статейка Ю. Проханова в газетке “Щит и Меч” (экие аники-воины! кого хотят испугать?) позорит не память героев, а только самого хулителя. Смешны его ликования о том, что нынешние власти считают власовцев изменниками.

Подлинная Россия только и может быть наследницей Белого Движения, продолжением которого было власовское (но с белым-то, весьма лицемерно и непоследовательно, теперешняя номенклатура пытается установить невозможные компромиссы).

С той, которая хочет сохранить наследие проклятой, сатанинской советской власти у честных антикоммунистов сношений быть не может; у живых. А мертвым — ее прощение не нужно и выглядело бы позором. Оскорбления же от врагов, напротив, только почетны!

Негодяи водятся не только у нас, конечно: уйма их и на Западе.

Яркий пример — некий Жак Аттали, который поносит память Александра Третьего: “одного из худших самодержцев Европы”.

Это как кому, “худший”! Царь, раздавивший гидру революции (проживи он дольше, он бы ее, вероятно, и вовсе предотвратил), царь-миротворец, при ком авторитет России стоял высоко как никогда, — для нас он, напротив, один из лучших!

Вполне логично, что враги нашей страны и нашего народа его ненавидят.

А вот со жгучим стыдом видим грязный пасквиль самоуверенно зазнавшегося француза напечатанным (очевидно перепечатанным, но откуда?) в “Новом Русском Слове” от 9 января с. г. (“Плохое имя для моста”).

Никогда еще, сколько помним, данный печатный орган столь низко не падал, не раскрывал свое сегодняшнее лицо как таковое, лютого ненавистника России.

Месье Аттали недоволен, зачем именем русского царя назвали мост в Париже. Что ж, его соотечественники прежних времен были умнее его...

А его предложение (нелепое и безобразное!) — этот мост как-то переименовать, стало бы, будь осуществлено, унижением для России, — любой, даже и нынешней...

Тогда как, по его собственному признанию, “союз с Россией важен для Франции”

Владимир Рудинский

“Москва” № № 9 и 10 за 2001 год

№ 9 посвящен рассказам иркутских писателей, каковые рассказы более или менее все талантливы и симпатичны. Они очень разные; но, в основном, в традиции школы деревенщиков.

Выделим в числе наиболее удачных “Мы ждали Тебя” Ю. Балкова с оттенком религиозной мистики. Отметим однако некоторые неясности в отношениях между персонажами. Может быть, рассказ составляет часть сборника или даже романа, откуда взят для публикации?

Рассказ А. Байбородина “Нежить” рисует целую систему русского фольклора: “В его дедовском селе суеверные старухи, испуганно косясь влево, а затем троекратно сплевывая через плечо — там анчутка беспятый караулит — и крестясь направо — там ангелы-архангелы спасают, — вкрадчиво нашептывали: дескать, Божьи слуги: ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, — спихнули падших ангелов с небес, и посыпалась клятая нежить на землю. Те, что пали на воду, стали водяными, в лес — лешими, в дом — домовыми, а в калтусах и зыбунах увязли шишиморы болотные”.

В другом его же рассказе подвыпивший парень, продавая книги Достоевского, называет их “Белые люди” и “Бедные ночи”.

Два рассказа В. Мешкова, берущие за сердце, можно бы объединить названием “Рассказы о неудачной любви”.

№ 10 открывается превосходной статьей Н. Молевой, “Город для всех”, о Москве царских времен. В той Москве наблюдалось “постоянное повышение рождаемости”; тогда как “смертность в городе неуклонно снижалась”. Какой контраст с нашими днями!

Опубликованные в том же номере дивные рисунки Ю. Карповой, изображающие уголки старой Москвы, как бы дополняют повествование Молевой.

Повесть А. Бежина “Конец Собачьей площадки” рисует вначале противостояние московской интеллигенции перестройке города при Хрущеве, касаясь отчасти магии и мистики. К сожалению, автор соскальзывает потом на куда менее интересные воспоминания детства, периода перед Второй Мировой войной и после нее.

Другая повесть “Детство золотое”, княжны Е. Мещерской описывает, вопреки ожиданию, не дворянский, а купеческий быт: она росла в богатой семье Прянишниковых, если верить ей, исполненной крайнего (авпрочею довольно безобидного) самодурства.

Лагерные воспоминания В. Осипова “Дубравлаг” содержат много любопытных данных о жизни и взглядах заключенных. Приведем характеристику украинского националиста, формулированную другом Осипова И. Бокштейном: “Им

все равно, — какая будет Украина: коммунистическая, демократическая, фашистская — лишь бы отдельно от России”.

Выпишем еще следующий отрывок (после упоминания “молодых ребят из Армении”, сидевших за свой национализм (руссофобии там почти не было, основные претензии у них были к Турции)...): “За все 15 лет лагерей, помимо этих армян и сепаратистов Галиции и Прибалтики, никаких иных националистов окраин я не встретил. Ни казахских, ни азербайджанских, ни узбекских, ни молдавских, — их не было. А теперь оказывается, что вся партноменклатура союзных республик была в глубине души сплошь националистической. Но как же ловко скрывали свой национализм, свою зоологическую руссофобию и свой антикоммунизм члены Политбюро Алиев, Шеварднадзе, Назарбаев, Каримов, кандидат на виселицу (за беловежское преступление) Кравчук... Как быстро и шустро перелицевались в демократов и лакеев Америки”.

Е. Стрельцова, разбирая (неизвестную нам) драматургию В. Малягина, весьма трезво пишет следующее: “Без русской классики, в широком смысле понятия — и монархии как главной ее составляющей, основы национального правосознания, выхода из ада не отыскать”. Однако полагаем, что способ восстановления монархии, который, — если верить ей, — намечает Малягин, нам представляется совершенно неподходящим: избрание на царство юродивого, хотя бы и кажущегося вдохновенным свящущем.

М. Богомолова, рецензируя книгу М. Рощина “Иван Бунин”, пламенно, но навряд ли вполне справедливо, защищает В. Бунину и Т. Кузнецову.

О. Петр Андриевский (“Россия перед вторым пришествием”) убедительно показывает, что кончина миру последует, но: “Когда же это произойдет — от нас сокрыто. Попытки определить время кончины мира всегда будут бесплодны”.

В статье ““Чернуха” на белом”, В. Острецов опровергает утверждение “некоего г-на А. Елисеева в “Н. Г.-Религии” об идеологической близости между большевиками и монархистами. Подобной близости быть не может, ибо основная база взглядов у тех и у других — разная и противоположная. И именно монархистов большевики всегда наиболее жестоко преследовали и уничтожали (ибо в душе боялись...).

Автор дельно опровергает многие фактические детали в статье Елисеева и, в целом, разбивает его в пух и прах. Хотя не со всеми его собственными взглядами мы вполне можем согласиться.

Владимир Рудинский

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ**МЕТРО КАГАНОВИЧА**

Прочтя статью о “Бордюгах” в № 2669-70 от 27 октября 2001 г. — считаю, что автор совершенно прав, рекомендуя всяким совкам типа самозванного “генерал-лейтенанта” немного поуспокоиться, перестать выставлять на показ “заслуги” советской власти.

Лучше бы молчать! Стыдно! Возьмем такой пример, как пресловутое московское метро, которым гордятся даже безобидные обыватели. Хвалиться, опять-таки нечем. Это — памятник советским беззакониям и преступлениям. Не только большинство станций носят в своих названиях отпечаток, и по сей день, восхваления того режима, который довел великую Россию до нищенства и попрошайничества, но ведь всем известно, что для облицовки некоторых из этих станций мрамор был взят из разрушенных, оскверненных православных храмов.

Я недавно прочел по французски интересные подробности о постройке этого метро, в книге живущего в Швеции автора — Юзи Лина. Ее название: “Под знаком скорпиона”.

Лично руководил постройкой московского метро сам Каганович. И постройка была возможной благодаря бесплатной работе заключенных Гулага. Они были разбиты на три смены, причем каждая работала по 8 часов в неопишуемых условиях. Работали даже 11-летние мальчики.

Заключенные гибли как мухи, но были немедленно заменяемы другими. Метро было готово вовремя и Каганович награжден орденом Ленина.

Автор книги упоминает имя того, кто работал над составлением планов — Алексей Шахонцев.

Для первой поездки по метро отправились члены Политбюро, но Сталин так глубоко под землю спускаться не решился...

Это московское метро считалось “метро Кагановича”!

В книге дана еще такая подробность. План линий сети метро по Москве несколько напоминает гигантскую звезду. И было рассчитано так, чтобы по пути построек этих линий, оказались бы как можно больше православных храмов, которые, понятно, из-за метро были разрушены.

Да, Лазарь Каганович — один из главных разрушителей русской культуры, памятником чего является и московское метро...

Д. Карамышев (Германия)

ПИСАТЕЛЬ-ФРАНКИСТ

В возрасте 85 лет, 17 января в Мадриде скончался крупнейший испанский писатель второй

половины XX века, Нобелевский лауреат по литературе 1987 года, Камило Хосе Села.

Испанское государственное телевидение, день за днем на протяжении целой недели посвящало известному литератору многочасовые биографические передачи, но ни в одной из них не был упомянут тот факт, что во время испанской Гражданской войны 1936-39 гг. Села сражался на стороне Франко!

Это обстоятельство умолчали и многие другие международные средства массовой информации. Задающие в них тон левые журналисты бессовестно скрывают правду о выдающемся художнике, но шила в мешке им все равно не утаить.

П. Аталыков (Испания)

ВМЕСТО “КОМИКСОВ”

Вместо отвратного “комиксы”, Б. Гасан в “НС” № 2681-82 предлагает забавное новое слово “рисуносказы”. Может немного чопорно, но пока ничего другого нет. Во всяком случае лучше, чем мексиканское “историйки”. Ведь “историйки” можно и только словами рассказать, и на экране. А тут именно имеется корень “рисун”.

Все же это хуже, чем точное французское *bande dessinée* (сокращено *B. D.*, но появилось отсюда и “*Bédé* — как у нас были *D. P.*, *displaced persons*, и стали Ди-Пи или Дипи).

Вспомним, что поначалу издевались над словом “крестословица”, но оно прочно вошло в язык, во всяком случае в нашей эмиграции.

Да и особо “умное” слово не обязательно искать. Прививаются и вовсе нелогичные выражения. Вот “стило” — это по-русски было “самопишущее перо”. Что может быть глупее — разве оно само пишет? Про “стило” еще говорили “вечное перо”. Хорошенькое дело “вечное”! Это пока запас чернила не кончился! Ничего вечного нет. Даже на кладбище “вечный” участок для могилы — лишь на 99 лет...

Да и “самолет” — разве он сам летает? Это может быть немецкие “*Faу 1*” были действительно самолетами. Да и те, без пилотов, которые американцы употребляли недавно в Афганистане. Слово “самокат” для автомобиля не привилось, но чем это слово хуже “самолета”?

Парижская “Русская Мысль” упорно навязывала термин “комиксы”. Да так оно и в словаре. Хорошо бы сравнить на других языках — по-немецки как, в Англии как (неужели и тут “комикс”?).

В. Порецкая (Бельгия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЭКСПАНСИЯ ВАТИКАНА

Нам пишут из Рима:

В Ватикане официально объявлено о решении Иоанна Павла Второго учредить в России католические епархии объединенные в "церковную провинцию", которую возглавит в качестве митрополита архиепископ Тадеуш Кондрусевич.

ПРОТЕСТ ПИСАТЕЛЕЙ

Нам пишут из Москвы:

Группа писателей выразила протест против решения римского папы учредить в России католические епархии, назвав его "продолжением политики, которую католики проводили в нашей стране на протяжении почти тысячи лет. Тому свидетельство последнее десятилетие XX века, когда римские легаты вооруженным путем разоряли и уничтожали приходы Русской Православной Церкви в западных епархиях и где сегодня продолжается настоящая духовная и национальная брань".

Протест выразили, среди прочих, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Лихонос, Владимир Крупин и Лариса Баранова-Гонченко.

ПУТИН ЗА ПАПУ

Нам пишут из Москвы:

Накануне своего визита в Польшу Владимир Путин заявил в интервью польским корреспондентам: "У нас даже чувство радости есть, что представитель славянского народа стал римским папой. Я готов его пригласить в любую минуту. Но папа сам хочет, если уж ехать в Москву, чтобы это был полноценный визит, сделанный с полноценными отношениями с Русской Православной Церковью. А это уже от меня, к сожалению, не зависит".

ПАПСКАЯ АПОСТАСИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Журнал "Православная Русь"

ОПЕЧАТКИ

В "НС" № 2683-84 В. Рудинский опубликовал рецензию на журнал "Литературный Европеец", а не "Литературный Современник".

Также вкралась досадная опечатка в статью Геннадия Криваго "Меняя Жюль Верна" ("НС" № 2683-84). Следует читать, разумеется, Даккар **Саиб**, а не "Самб".

сообщил, что "Ватикан сделал официальное заявление, по которому мессианские ожидания иудеев не напрасны". Богословский трактат посвященный этой теме на 210 страницах был подписан близким к папе кардиналом Иосифом Ратцингером. Многие раввины сочли это достаточно серьезным документом, и увидели в нем изменение прежней позиции Ватикана, в которой он всегда подчеркивал искупительную роль Христа. На вопрос корреспондентов: "Следует ли теперь считать, что Мессия может быть еще не пришел?" папский представитель ответил: "Католикам нельзя так считать, но евреям можно".

КАДЕТЫ ИЛИ ПИОНЕРЫ?

Нам пишут из Москвы:

Газета "Аргументы и Факты" уподобила находящийся в Ростове на Дону "Второй Императора Николая Второго Кадетский Корпус"... пионерской организации.

Описав церемонию, во время которой "казачата получили погоны", газета добавила:

"А стоявшие поодаль родители вспоминали, как они были горды, когда много лет назад им самим повязывали пионерский галстук. Вспоминали свое пионерское детство с походами и ночевками у костра, с клятвой на верность делу партии и обсуждали перипетии торжества. Ведь это был и их день — день рождения пионерской организации".

ДОМ САВОЙЯ

Нам пишут из Рима:

Королевская семья Савойя в скором времени вернется в Италию. Сенат этой страны 235 голосами "за", 19 "против" при 16 воздержавшихся проголосовал за отмену статьи конституции, запрещающей мужским представителям династии Савойя въезд в страну.

Королю Виктору Эммануилу Третьему, правившему Италией до 1946 года вменялась в вину "расчистка дороги итальянскому фашизму". Его отречение от трона в пользу сына Умберто Второго, не помогло ни спасти монархию, ни избежать для королевской семьи участи изгнанников.

Сыну Умберто Второго Виктору Эммануилу, ныне здравствующему старшему представителю Королевского Дома, было тогда 9 лет. С тех пор он ни разу не ступал на итальянскую землю, а его сын Эммануил Филиберто ни разу не бывал там.

После падения коммунистических режимов в СССР и Восточной Европе, за которым последовали визиты и возвращения представителей различных династий на свои родины, семья Савойя оказалась единственной в Европе изгнанницей.

Шансы на возвращение королевской семьи многократно возросли после победы в мае прошлого года на парламентских выборах право-центристского блока Сильвио Берлускони. Его основные партии "Вперед Италия!" и "Национальный Альянс"

являлись традиционными сторонниками возвращения династии Савойя в Италию.

Уже заявлено, однако, что семья не должна претендовать на возвращение конфискованного имущества. Иначе президенту Италии пришлось бы съехать из своей резиденции дворца Квиринале, которая была королевской.

"Зеленые" и коммунисты, проголосовавшие в Сенате против возвращения династии, настаивают, чтобы ее представители публично отказались от монархических претензий.

ПРЕДВЗЯТОСТЬ ЛЕВЫХ

Нам пишут из Нью Йорка:

Вышедшая здесь книга "Предубеждение" Бернарда Голдберга, проработавшего почти три десятилетия в телекомпании Си-Би-Эс заняла первое место в списке "бестселлеров" газеты "Нью Йорк Таймс".

Книга рассказывает о том, как левые задают тон в ведущих телекомпаниях США. Ее автор был либералом и остается им: он никогда не голосовал за Республиканскую партию, добросовестно трудился журналистом на Си-Би-Эс. Однако Голдберг имел смелость опубликовать в газете "Уолл-Стрит Джорнэл" статью о необъективном отношении в телекомпаниях к консерваторам, в связи с чем о некоторых новостях Си-Би-Эс не сообщает вообще, а некоторые искажает в соответствии со своими левыми взглядами, — и на работе его стали беспощадно травить.

Голдберг убедительно показывает, что все левые признают только одно мнение: свое. Любое другое не имеет права на существование. Сам Дан Радер — ведущий программы вечерних новостей и главный авторитет на Си-Би-Эс — объявляет предателем каждого, кто критикует предвзятость левых по отношению к консерваторам.

ЧЕКИСТСКИЙ ПРИХОД

Нам пишут из Москвы:

Бывший сексот КГБ, патриарх Алексей Второй уделил сотруднику ФСБ — бывшего КГБ — церковь Софии Премудрости Божией, расположенную прямо напротив здания Лубянки.

Во время освящения храма патриархом, прохожие, привыкшие к наглухо запертой ограде, увидев открытую калитку, заходили внутрь, но дальше порога их не пускали. Сразу после освящения церковь была вновь закрыта.

Таким образом у чекистов появилась своя приходская церковь, — точно как у колумбийских наемных убийц есть свой храм "Nuestra Senora de los sicarios".

ФАБРИКАЦИЯ НЕНУЖНЫХ ТРУДНОСТЕЙ

Вполне согласен с А. Рахмановым (в "Нашей Стране" № 2681-82) насчет того, что превращать японские имена и фамилии, а также и местные названия, в несклоняемые есть нечто в высшей степени неудобное и нежелательное.

В начале назвестной поэмы Лермонтова, мы читаем:

Важный сан

Дал Орше Грозный Иоанн.

Попробуем приспособить эти строки к японскому языку, употребив приводимое Касаткиной (которой возражает Рахманов) имя писателя **Кавабата**.

Важный сан дал Кавабата микадо.

Фраза становится решительно непонятной! И не лучше получится: Важный сан дал микадо Кавабата.

Все равно неясно, кто и кому "дал". И даже заменив японское **микадо** европейским "император" мы не выйдем из затруднения: Важный сан дал император Кавабата. Создается впечатление, будто Кавабата тут есть имя императора.

Тогда как никаких затруднений не будет склоняя мы фамилию **Кавабата** как русские фамилии Щербина, Атава и др. Что и делал например Гончаров во "Фрегате Паллада" (а ему, русскому классику, виднее было как надо с нашим языком обращаться!).

Столь же нелепо делать неизменяемым (как делает Касаткина) название города **Чиба**. Гораздо удобнее говорить и писать: "ехать в Чибу", но "жить в Чибе" (в Нару, в Йокогаму и т. п.). Во многих случаях неизменяемая форма может стать и невразумительной.

Интересно бы знать, кто и зачем придумал такие обращения с японскими именами, и чем оно мотивировано? Боюсь, что оно идет от ученых японистов; сейчас в РФ (и отчасти даже в Зарубежии) идет вреднейшая война с русской падежной системой, составляющей ценную, неотъемлемую составную часть нашей речи.

Людям, которые этим занимаются, решительно, — медведь на ухо наступил!

Геннадий Криваго